

A movie poster for 'The Empire of Sol'. The central figure is a centipede with a human-like face, wearing a dark trench coat and sitting in a leather armchair. It is smoking a pipe, with smoke rising from it. The background is a dimly lit, ornate room with bookshelves and a framed picture of an insect on the wall. The lighting is warm and atmospheric.

АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ

ИМПЕРИЯ ХОЛМА

Записки убойного отдела

Алексей Романов

Империя холма. Записки убойного отдела

<https://litres.ru/74577569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя холма. Записки убойного отдела.

Впервые на Литрес: атмосферный инсекто-нуар, где детективная логика сталкивается с суровой моралью подземного мира.

Муравейник не построен — он вырос, впитав века, смолу и кастовые предрассудки. На 37-м ярусе капитан убойного отдела Ксавьер чинит сломанные часы и пытается забыть прошлое.

Когда в тоннеле застревает живой экспресс «Каракк», а в его утробе находят мертвым советника, Ксавьер берется за дело. В замкнутом пространстве поезда пахнет страхом, шёлком и горьким миндалем. Все лгут, у каждого есть тайна, а закон защищает тех, кого стоило бы казнить.

С молодым регистратором Луцием, верящим в параграфы, Ксавьер ведет расследование, которое вскроет заговор, угрожающий их миру.

Что делать сыщику, если ради спасения тысяч жизней придется солгать — совершить самое страшное преступление для законника?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Романов

Империя холма. Записки убойного отдела

Глава 1

ГЛАВА 1 КАТАСТРОФА В ГУСЕНИЧНОМ КАРАК- КЕ

Часть 1. Каракк

Кабинет Ксавьера находился на тридцать седьмом ярусе — там, где Муравейник уже перестаёт притворяться, будто он построен, а не вырос.

Стены здесь были не срезаны и не отшлифованы, как в верхних секторах. Их оставили такими, какими их проела жизнь: слоистая кора, спрессованная веками в тёмную, почти чёрную плоть, из которой кое-где ещё сочилась глухая, вязкая смола. Она застывала каплями — крупными, янтарными, похожими на застывшие слёзы. Ксавьер никогда их не счищал. Пусть висят. Пусть напоминают, что даже стены здесь когда-то

дышали.

Свет давал один-единственный фосфорический гриб, вросший в потолок кривым, болезненным наростом. Он горел неровно — то раздувался зеленоватым пятном, то сжимался до тусклой искры, и по комнате тогда проходила медленная волна полумрака. В этой волне оживало всё: пылинки, висевшие в воздухе густой, мучной взвесью, чешуйки коры на полу, тени от полок, которые то вытягивались, то прятались. Воздух здесь был не прозрачным. Он был плотным, как старая настойка, — и пах можжевельником, табаком и чем-то ещё, старым, тёплым, жилым.

Ксавьер сидел в своём кресле — не в кресле даже, а в глубокой, обточенной временем капле, вырубленной прямо в живой древесине. Он не двигался уже давно. Только жвалы его медленно, ритмично

шевелились, перемалывая что-то своё, беззвучное, — привычка, оставшаяся с войны и так и не ушедшая.

Перед ним, на низком столике из полированного нароста, лежали часы.

Они были мертвы.

Ксавьер знал это точно — знал по той особенной, глухой тишине, которая исходила от них. Внутри, под пожелтевшим стеклом, спали крошечные шестерёнки, покрытые тончайшей, почти невидимой пылью. Он нашёл их три дня назад — гвардейцы притащили с внешней свалки, той, что за восточным склоном, где человеческий мусор лежит слоями, как окаменевшие эпохи. Часы были искорежены, изогнуты, будто их держали в кулаке, а потом разжали. Стрелки застыли на без четверти три — на времени, которое никогда не наступит.

Ксавьер подцепил когтем заднюю крышку и

осторожно, почти нежно, снял её. Внутри пахнуло металлом и чем-то ещё — сухим, пыльным, чужим. Человеческим.

Он наклонился ближе. В луче гриба шестерёнки на мгновение вспыхнули — тонкие, как чешуйки, точёные, чужие. Такую мелкую работу здесь не делал никто. Здесь всё было грубым, живым, тёплым. А это — холодное, правильное, вечное. Мёртвое, но мёртвое так аккуратно, что хотелось заставить его снова дышать.

Ксавьер отложил часы и потянулся к трубке. Она лежала тут же, на краю столика, — длинная, чёрная, вырезанная из старого древесного наплыва, с янтарным нагаром по краю чаши. Он набил её дёгтем медленно, без спешки, как делал всё, что любил. Дёготь был густой, тягучий, пах горькой сосновой и дымом. Он тлел неровно, но упрямо, и дым от него шёл не вверх, а стелился вширь —

сизым, вязким шёлком, который медленно обволакивал голову Ксавьера, его жвалы, его старые, усталые глаза.

Это был его ритуал. Не привычка — ритуал. За тридцать лет службы он выкурил столько дёгтя, что им можно было бы просмолить весь нижний ярус. Но дело было не в дыме. Дело было в паузе. В тех долгих, медленных минутах, когда мир сжимался до размеров чаши трубки, а все тревоги Муравейника — до сизого кольца, которое тает в вентиляционной отдушине и больше никогда не вернётся.

Ксавьер затянулся. Дым прошёл сквозь него тёплой, горькой волной. Гриб над головой мигнул — и на мгновение комната стала просто тёмной норой, в которой сидит старый усталый солдат и курит. Ничего больше. Никаких дел. Никаких теней прошлого.

Он закрыл глаза.

Мембрана двери скрипнула.

Ксавьер не открыл глаз. Он узнал этот звук — не скрип даже, а лёгкое, деликатное дрожание, будто дверь просила разрешения войти. Так стучался только один человек в Муравейнике. Вернее, не стучался — извинялся.

— Входи, — сказал Ксавьер, не разжимая жвал.

Мембрана отогнулась, и в комнату шагнул Луций.

Он был молод — слишком молод для убойного отдела, и слишком аккуратен для всего остального. Его панцирь блестел. Не просто блестел — сиял, отполированный до глянца, ровный, чистый, без единой царапины. Такие панцири бывают только у тех, кто ни разу не выходил за пределы верхних ярусов. Ксавьер всегда думал, что

Луций похож на канцелярскую печать, которой ещё ни разу не поставили ни одной отметки. Дорогая, правильная, нетронутая.

Луций замер на пороге. Его тонкие, длинные антенны дрожали — едва-едва, но Ксавьер видел. Волнение. Юноша всегда волновался, входя в этот кабинет. Здесь пахло иначе, чем на его Пятнадцатом ярусе. Здесь пахло смолой, дымом, старой корой и чем-то ещё — тем самым запахом, который Луций тщетно пытался описать в своём тайном словаре. Он называл его «запах времени». Ксавьер называл его просто «запах дома».

— Капитан, — начал Луций и осёкся.

Он смотрел на часы — на разобранные, распотрошённые часы на столике, на тонкую проволочку рядом, на снятую крышку. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Вы... снова чините?

Ксавьер наконец открыл глаза. Изумрудные, гранёные, они остановились на юноше с выражением, которое Луций давно научился расшифровывать как «да, и что с того?».

— Они не идут, — сказал Ксавьер.

— Я вижу.

— И не пойдут, если я не почищу вот эту ось. Он подцепил когтем крошечную шестерёнку. — Ты пришёл мне об этом сказать?

Луций вздрогнул, вспомнив, зачем пришёл. Антенны его дрогнули сильнее. Он шагнул вперёд, и Ксавьер заметил то, что замечал всегда, — как этот мальчик двигается. Осторожно, расчётливо, будто каждый шаг записан в каком-то невидимом уставе. Он не ходил — он исполнял ходьбу.

— Капитан, — повторил Луций, и голос его дал трещину. — Там... Каракк.

Ксавьер медленно вынул трубку из жвал.

Луций протянул ему лист.

Это был не обычный берестяной свиток, какими пользовались в Министерстве. Это был подсохший, ломкий лист осины, сложенный вчетверо и запечатанный по краю густым, липким экссудатом — тёмно-бурым, пахнущим железом и чем-то сладковатым. Печать Совета. Ксавьер узнал её сразу: такую смолу выделяют только старые трутни высших каст, и только в тех случаях, когда дело касается государственной тайны.

Он взял лист. Он был ещё тёплый — значит, гонец бежал быстро.

— Каракк остановлен, — сказал Луций, и его голос наконец сломался окончательно. — В Восточном тоннеле. Обвал. Внутри — мёртвый трутень. Советник. Сильвий.

Ксавьер развернул лист. Буквы были нацарапаны торопливо, косо, будто писавший держал перо в дрожащей лапе.

«Экстренно. Катастрофа. Требуется капитан Ксавьер лично». Ни имени отправителя, ни подписи. Только печать.

Он медленно сложил лист обратно. Положил на столик, рядом с разобранными часами. Посидел ещё секунду — неподвижно, глядя на застывшие стрелки, на без четверти три, на время, которое никогда не наступит.

Потом поднялся.

Кресло скрипнуло под ним, выпуская накопленный за долгие часы жар. Ксавьер снял с крюка на стене свой дорожный плащ — тяжёлый, промасленный, пахнувший дымом и мокрой землёй, — и накинул его на плечи. Движения его были медленными, но в этой медленности не было ни капли сомнения. Так двигаются люди, которые давно перестали торопиться, потому что знают: спешка не ускоряет неизбежное.

— Каракк, — повторил он, будто пробуя слово

на вкус. — Живой экспресс. Остановлен. Советник мёртв. — Он посмотрел на Луция. — А почему об этом сообщают мне, а не трибуналу?

Луций открыл рот — и закрыл. Он не знал.

Ксавьер усмехнулся. Одними жвалами, едва заметно. И это было хуже любого презрительного смеха.

— Вот именно, — сказал он. — Пошли, мальчик. Узнаем.

Он шагнул к двери. Луций — за ним, торопливо, неловко, едва не задев полку с засушенными крыльями бабочек. Ксавьер заметил это краем глаза и ничего не сказал. Но, уже выходя, он всё-таки обернулся — на мгновение, на один короткий вздох, — и посмотрел на часы.

Мёртвые шестерёнки лежали на столике в луче мигающего гриба. Без четверти три.

Он отвернулся и вышел.

Главный Тоннель Сладкой Росы начинался сразу за воротами Тридцать Седьмого яруса — и с первого же шага оглушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.